

Наташа. Оставь! Оставь его! Отец вернется, вы его тогда сонного перенесете.

Порфирий. Ага... Ну, хорошо... (*В это время слышно, как открывают входную дверь.*) Вот отец! Только молчи, ничего не говори! Стой здесь!

Сильвестр (входит, всматривается). Что?! (*Пауза.*) Вернулся?..

Порфирий. Вернулся!

Занавес

С. С. МОНТЕФИОРЕ

Игра в казаки-разбойники

<Из книги «Молодой Сталин»>

<...> 4 июня [1907 г.] Сталин уже был дома. Только что энергичный премьер-министр Столыпин провел реакционный переворот, изменив правила выборов в Думу таким образом, что они гарантировали большинство консерваторам. Он усилил и нажим на революционеров. Многих арестовали, многих сослали в Сибирь в «столыпинских вагонах», а повешенных было столько, что петлю прозвали «столыпинским галстуком». В 1905-м политических заключенных было 86 000, а в 1909-м — 170 000. Камо собрал команду из отъявленных грузинских громил и грабителей — среди них было ядро дружины и пять женщин-стрелков. В ожидании дела все они ютились в маленькой квартире, а Камо снял шикарные апартаменты «и жил под прикрытием как князь». Охранка считала, что в ограблении было задействовано около шестидесяти боевиков, так что, вероятно, большевики воспользовались помощью эсеров и других специалистов: террористы часто сотрудничали — например, незадолго до этого Красин предоставил эсерам взрывчатку для минирования дома Столыпина. Если же эсеры надеялись, что с ними поделятся добычей, их ждало разочарование.

Сталин известил Тифлисский большевистский комитет об указаниях, полученных от Ленина в Берлине. Комитет согласовал операцию. Очевидно, Сталин предвидел возмущение в городе и международный скандал: Камо и боевики по предложению Ленина на время вышли из партии и таким образом технически

не были связаны лондонской резолюцией. Сталин и Шаумян собирались сразу после ограбления перебраться в Баку. С большевизмом в Грузии было покончено: большевиков оставалось человек 500. Сосо сознательно сжигал мосты в Грузии и начинал все заново в обстановке, лучше отвечавшей его устремлениям¹.

В первой половине дня 13 июня Камо подтвердил Сталину и Шаумяну, что ограбление произойдет сегодня. Бандиты ждали в духане «Тилипучури», где Сталин предположительно появился ранним утром². Не позже десяти утра Камо, одетый офицером и вооруженный черкесской саблей, выехал на Эриванскую площадь, а юноши и девушки из банды заняли позиции. Стоял жаркий летний день.

Когда взрывы сотрясли город, Като³ нянчила трехмесячного сына Сталина Яшу на балконе; рядом стояла ее сестра Сашико. «Мы в ужасе бросились в дом», — вспоминает Сашико Сванидзе. Весь день раненых привозили в кое-как устроенные операционные. По городу носились казаки и жандармы — они врывались в дома, огораживали целые районы и кварталы, надеясь отыскать деньги до того, как их вывезут из Тифлиса.

Той ночью Сосо вернулся домой и рассказал, что все это устроил Камо и его шайка — они похитили 250 000 рублей для партии, вспоминала Сашико. Он наверняка рассказал сестрам и о маскировке Камо, потому что они поняли, зачем тот взял у них саблю их

¹ Позиции большевиков в Грузии поколебались, когда в августе 1907 г. был убит популярнейший поэт — князь Илья Чавчавадзе, который опубликовал стихи Сосо. Большевики выступали против его патриархальных взглядов на грузинскую культуру и, как считали многие, вынесли ему смертный приговор; существуют доказательства того, что убийство спланировал, по крайней мере частично, друг Сталина Серго Орджоникидзе. Впрочем, возможно, эсдеки были непричастны к убийству. Сталин в пожилом возрасте всегда восхищался поэзией Чавчавадзе; нет никаких доказательств, что покушение устроил он. Но он был близким другом Серго и, уж конечно, отделял литературный талант от жестокой необходимости: политика у него стояла на первом месте.

² Сам Сталин давал понять, что был в Тамамшевском караван-сараяе и видел, как грабителей наставляет Цинцадзе. Но Цинцадзе был под арестом. Возможно, престарелый диктатор путал это ограбление с другим, совершенным в 1912 г. В 1907 г. речь перед грабителями, скорее всего, держал Камо.

³ Первая жена Сталина.

отца. Из воспоминаний Сванидзе ясно, что Като не просто догадывалась о двойной жизни Сталина, а прекрасно знала, что ее муж — крестный отец кавказских ограблений. Сталин внезапно объявил семье, что его жена и ребенок немедленно уезжают в Баку. Сванидзе возражали. Видимо, они сильно обиделись на Сталина, потому что даже в 1930-х винули его в том, что он тринадцать часов тащил Като в поезде «таким жарким летом». Но их возражения ни к чему не привели: Сосо уехал в Баку и забрал Като, прихватив с собой на будущее 15 000 рублей.

Камо затаился. Перед отъездом он благородно предложил сталинскому «инсайдеру» 10 000 рублей за помощь. Вознесенский благородно взял 5000.

Дело принимало дурной оборот. Полиция объявила, что похищенные пятисотенные купюры (всего 100 000 рублей) были помечены. Кое-кто из бандитов предложил сжечь банкноты. Камо отказался. Остальные деньги были в купюрах меньшего номинала.

Все разбойники мечтали встретиться с Лениным, но Камо требовалось лечение за границей, поэтому именно он, взяв большую часть денег, поехал к Ленину в Финляндию через Баку. Князь Коки Дадиани, род которого когда-то правил Мингрелией, опять одолжил Камо свой паспорт. Камо вновь прибегнул к любимому приему — маскировке; теперь он сделался князем, который ехал с молодой женой (эту роль сыграла одна из девушек банды — забавно, что она, к вящему удобству, была дочерью полицейского) в свадебное путешествие. Девушки из дружины уже имели опыт перевозки на себе денег и динамита. Динамит, особенно при соприкосновении с потным телом, издавал резкий кислый запах, так что девушкам приходилось с ног до головы обливаться духами. С деньгами было проще: добыча проехала за границу в белье и под одеждой новобрачной. Полицейским, вероятно, дали взятку.

Камо передал Ленину приблизительно 1,7 миллиона фунтов (3,4 миллиона долларов) в пересчете на сегодняшние деньги. На какое-то время фракции должно было хватить этих денег. Камо провел лето со своим кумиром, разрабатывая план грандиозного «спектакля». Но тут на след Ленина напали власти, и он бежал в Женеву, где, по словам Крупской, «швейцарские обыватели были перепуганы насмерть. Только и разговоров

было что о русских экспроприаторах». Слово «Грузия» стало синонимом слова «бандитизм»: когда Ленина навестил одетый в чоху Дхакая, квартирная хозяйка чуть не упала в обморок и «с криком ужаса закрыла перед ним дверь».

История на этом далеко не закончилась: тифлисское ограбление сделало из Камо легенду¹, но его отголоски поспособствовали распаду партии, а Сталину они угрожали вплоть до 1918 года.

Как после любого удавшегося преступления, поделщики вскоре начали драться за добычу. Полиция опубликовала номера пятисотрублевых купюр. Расплатиться ими было бы очень сложно, но фальшивомонетчик из технической группы Красина по прозвищу Толстая Фанни изменила номера на части купюр. Ленин и Красин решили действовать дальше, тем более что остальные деньги были чистыми. Их немедленно перевезли за границу. Часть отмыли через банк «Лионский кредит». Литвинов роздал деньги своим людям, чтобы они обменяли их в разных городах.

Тем временем тайная полиция прилагала все усилия, чтобы поймать преступников, но ничего определенного не обнаружила. Их тифлисский информатор под кличкой Полная Дама сообщил только, что в ограблении участвовали стрелки-эсеры, у которых отняли их часть добычи.

Первым подозреваемым стал другой горийский грабитель банков, Давришеви, — охранка считала, что он укрывается в Лозанне под именем Камо.

Охранка знала, что Камо отослал все деньги Красину и Ленину, но революционеры к тому времени уже поссорились. Ленин успел пустить в ход примерно 140 000 рублей. Но в 1908 году он затеял жестокую малопонятную ссору, которая вновь расколола партию. Он порвал с Богдановым и Красиным², которые

¹ Другие боевики, совершившие куда больше ограблений, завидовали славе Камо. «Нашу дружину называли группой Камо, — говорит Бачуа Куприашвили, — но это была неправда. Мы приняли Камо в группу через год после ее основания. Он принял участие в большой акции, после которой все наши деяния приписывались ему... Но Котэ Цинцадзе, Инцкирвели, Элисо Ломинадзе... стояли не ниже, а, пожалуй, даже и выше Камо».

² Ленин опубликовал полемическую работу по эпистемологии «Материализм и эмпириокритицизм», в которой критиковал мистический «эмпириомонизм» Богданова, угрожавший, по мнению Ленина, марксистскому материализму.

присвоили около 40 000 рублей тифлиских денег. Литвинов послал к ним «двух грузин-террористов» передать, что, если они не вернут деньги, грузины «уберут» кого-нибудь из Центрального комитета.

Вскоре у Ленина опять кончились деньги. Средства поступали к нему не только от грабежей. Он нанял двоих плутов-большевиков, которым велел соблазнить двух некрасивых сестер, унаследовавших состояние своего недавно скончавшегося дяди — промышленника Шмита. Двойное обольщение увенчалось успехом, хотя Ленин признавался, сам бы не справился с такой задачей. Один из соблазнительей, Виктор Таратута, присвоил значительную часть наследства, чтобы не отказывать себе в красивой жизни; остальное он передал Ленину.

Камо, живший теперь в Берлине, решил помочь Ленину и проверить самое крупное ограбление в истории — на кону стояло пятнадцать миллионов. Это обеспечило бы партию на шесть лет, но было б «убито... по меньшей мере человек 200». Он накопил целые залежи динамита; в августе по паспорту страхового агента Мирского он отправился в Берлин, чтобы закупить взрывчатку. Но человеком Ленина в Берлине был доктор Житомирский — двойной агент, который извещал охранку о ходе лондонского съезда. Житомирский и выдал Камо.

27 октября (9 ноября по новому стилю) 1907 года немецкая полиция ворвалась в гостиничный номер Камо и обнаружила тифлиские банкноты, 200 динамитных капсулей, двенадцать емкостей с гремучей ртутью и двадцать электрических батарей. Охранка ликовала, но кто такой Мирский, так и не знала. 31 октября (13 ноября) заведующий заграничной агентурой Гартинг победоносно объявил, что Мирский замышлял «огромную экспроприацию» и что у него найдена часть тифлиских банкнот. Но доказательств его участия в самом ограблении не было. Охранка все еще считала, что Камо — это Давришеви. Кто ж такой был Мирский?

Наконец охранке повезло. 1 марта 1908 года бывший бандит-большевик, сидевший в Кутаисской тюрьме, Арсен Карсидзе, сообщил, что главным грабителем был Симон Тер-Петросян, известный как Камо, ныне под именем Мирского содержащийся в берлинской тюрьме «Аль Моабит». Другое сообщение подтвердило, что Давришеви находился в швейцарской эмиграции и никаким Камо не был.

Царское правительство запросило экстрадиции Камо; на родине его ждала смертная казнь. Красин бросился в Берлин подготавливать защиту и нанял немецкого адвоката-социалиста Оскара Кона. Красин посоветовал Камо симулировать сумасшествие — эта роль ему подходила лучше, чем многим.

Камо принялся разыгрывать помешательство — так, как мог только настоящий психопат. Он умудрился оставаться «сумасшедшим» два года. Сначала он начал кричать, плакать, рвать на себе одежду, избивать надзирателей. Его бросили в холодный карцер и продержали там нагишом девять дней. По-видимому, Камо все это время не спал; четыре месяца он проводил ночи на ногах. Затем он перестал есть; его кормили насильно через зонд. Он вырывал у себя усы; пытался повеситься, но его вынули из петли; вскрыл вены, но его откачали. В мае 1908 года его переместили в психиатрическую лечебницу «Берлин-Бух» для постановки диагноза. Он перенимал поведение пациентов и использовал знаменитое клише безумцев — объявил себя Наполеоном. Врачи все еще сомневались и решили подвергнуть его пыткам, которые сломали бы кого угодно. Его прижигали раскаленным железом, загоняли под ногти булавки — но он все перенес. В конце концов немцы постановили, что он безумен, и, умыв руки, передали беспокойного пациента русским, которые, несмотря ни на что, предали Камо суду за тифлисский разбой, погубивший пятьдесят человек. В суде расхристанный и бредящий Камо неожиданно извлекает из рукава птицу — воробья Ваську — и разговаривал не с адвокатами, а с пернатым другом.

Премьер Столыпин и наместник Воронцов-Дашков мечтали повесить Камо. Но его адвокат Кон поднял такой шум, что вся Европа протестовала против казни умалишенного, и Столыпин нехотя признал: смертный приговор окажет «неблагоприятное для русских интересов влияние».

Российские врачи опытным путем установили, что кожа Камо нечувствительна к боли. Они тоже загоняли ему под ногти иглы, били его электрическим током. «Боль была невыносимая, — вспоминал Камо, — тошнило от запаха паленого мяса». Этих врачей он также убедил. В сентябре 1910 Камо был признан невменяемым и пожизненно заточен в больницу Метехской крепости. Большевики восхищались героизмом Камо, но один врач объяснил, что вести себя так может лишь тяже-

лобальной безумец. Как пишет историк Анна Гейфман, Камо страдал от «не находящих выхода страстей, тревог», он «не мог действовать в нормальной обстановке» и «был действительно серьезно болен».

Тем временем полиция отслеживала помеченные банкноты, которые начали всплывать по всей Европе. В Париже Литвинов, придя к себе в номер, обнаружил под кроватью сыщика. Литвинова арестовали, найдя у него двенадцать банкнот, но депортировали в Лондон. Красина накрыли в Финляндии. Других большевиков, пытавшихся обменять деньги, арестовали в Мюнхене, Цюрихе, Париже, Берлине и Стокгольме.

«Меньшевики, не получившие ни копейки из этих [тифлиских] денег, — радостно докладывала охранка, — требуют на основании резолюции последнего съезда социал-демократов в Лондоне исключения этих тифлиских экспроприаторов из партии».

У Сталина начались крупные неприятности.

Разгневанные меньшевики учредили три комитета, которые больше двух лет дознавались, кто организовал тифлисское ограбление. Один комитет работал в Тифлисе под руководством Жордании, второй — в Баку под руководством Джибладзе и третий — за границей под руководством Чичерина. Кровавые грабежи вредили их репутации — но они также хотели раздавить Ленина, добравшись до него через Сталина и Камо.

Меньшевикам удалось поговорить практически со всеми ключевыми участниками, в том числе самим Сталиным — «товарищем Кобой», который был допрошен в Баку. Поразительно, что эти материалы сохранились в архивах, — они являются первым прямым доказательством его участия. «Инсайдеры» Касрадзе и Вознесенский во всем признались и обвинили Сталина. Ленин доказал Чичерину свою невиновность, ведь ограбления совершали «не члены партии». По сообщениям Арсенидзе и Уратадзе, комитеты в Тифлисе и Баку проголосовали за исключение Сталина. Но партия уже раскололась, и потому было неясно, могли ли меньшевики исключить большевика.

Несмотря на это, они собрали факты, избличавшие Сталина, и с ними отправились к Ленину. В августе 1908-го они встретились в Женеве, где Мартов набросился на Ленина. Ной Рамишвили назвал имена — в том числе всегда подозреваемых

Камо и Цинцадзе, — а затем объявил, что все они действовали под руководством товарища Кобы.

Тут Ленин вставил слово:

— Не называйте фамилию этого последнего!

— Не буду, — улыбнулся Рамишвили, — ведь мы все знаем, что он известен под именем Кавказский Ленин.

Сталин гордился бы таким признанием.

— Вы ручаетесь за то, что эти имена не будут переданы полиции? — настаивал Ленин. Помогло то, что Сталин встречался с Лениным втайне: меньшевики могли навредить Сталину, но Ленин оставался неуязвим. Но доказательство их тесных деловых отношений в 1907–1908 годах налицо: Ленин защищал Сталина.

Судя по всему, Сталина исключили из партии, но не на уровне ЦК, а на местном уровне — в Тифлисе и Баку. Если бы это удалось доказать, одно это нанесло бы удар по его репутации революционера.

Когда большевики пришли к власти, Сталин был одним из ближайших соратников Ленина. Меньшевики попытались лишить большевиков легитимности и извлекли на свет божий всю эту историю. В 1918-м Мартов опубликовал статью, где назвал три примера сталинских злодеяний: тифлисское ограбление, покушение на бакинского рабочего и пиратский захват в Баку еще одного судна — парохода «Николай I». Хуже того, Мартов написал, что Сталина в 1907-м исключили из партии. В 1918-м Сталину нужна была репутация старого большевика, и эта история представляла для него опасность. Поэтому он истерично заклеил «недостойный поступок неуравновешенного, побежденного человека» и привлек Мартова к революционному трибуналу за «гнусную клевету» — это был один из самых странных судов в советской истории.

Своей роли в экспроприациях Сталин не признавал и не отрицал, но настаивал: «Никогда в жизни я не судился в партийной организации и не исключался». Скорее всего, формально он говорил правду, поскольку комитеты в Тифлисе и Баку были меньшевистскими, а не большевистскими и исключение было неофициальным. В Москву собирались вызвать свидетелей, но шла Гражданская война, и сделать это было трудно. Суд был отменен, Мартову объявили выговор, однако Сталину удалось высказаться без обиняков.

— «Конченный человек!» — бросил он Мартову; вскоре Мартов эмигрировал¹. Когда в 1921 году Сталин вернулся в Тифлис большевиком-покорителем, на митинге его освистали и в лицо называли бандитом. Он в гневе покинул митинг. Бандитизм и исключение из партии больше никогда в годы его власти не упоминались.

Что самое важное, Ленин не воспринял всерьез исключение Сталина на местном уровне. Он говорил, что такие исключения обычно происходят из-за ошибок, недостоверных сведений или недопонимания. Конечно, он знал больше, чем говорил. Он все больше понимал, что Сталин — террорист, бандит и подпольный организатор — был «то, что нужно».

Тифлисское дело получило невероятный резонанс, но грабежи на этом не закончились. Игра в казаки-разбойники стала еще опасней в Баку — ставки здесь были куда выше, чем в Тифлисе. <...>

В. ШВЕЙЦЕР

Сталин в Туруханской ссылке

<...> От Петербурга до Курейки — путь долгий и изнурительный. Везли в арестантских вагонах, по месяцам задерживались в переполненных этапных тюрьмах, потом бесконечно долго ехали по реке. Сталина везли по реке Енисею в небольшой лодке. Только подумать, в лодке нужно было проехать больше двух тысяч километров по бурному, стремительному Енисею. На пути встречались водовороты и пороги. Больше месяца длилось это опасное путешествие по Енисею, пока наконец не добрались до села Монастырского.

Село Монастырское было центром Туруханского края. По тому времени Монастырское считалось большим культурным селом в этом диком и пустынном месте. Здесь была школа, церковь, полицейские власти. Здесь жил пристав. Сюда обычно высылали политических ссыльных.

¹ После смерти Ленина в 1924 году Сталин очень заботился о легитимности своего большевистского прошлого: он хотел доказать, что достоин быть ленинским наследником. Если бы Мартов доказал, что Сталина исключили, он мог бы спасти Россию от сталинизма.